

Публикуется впервые

Он был великим мистификатором. Обожал игру, притворство, выдумку. И фамилия, и имя у него были выдуманы. И день рождения выдуман. Он родился первого апреля, но отмечал день рождения тридцать первого марта («Помилуйте! Ведь никто не поверит. Подумают - розыгрыш!») И репутация у него была выдумана. Даже сундук с некрасовскими рукописями, доставшийся ему от А.Ф.Кони, не сделал его ученым литературоведом, хотя за книгу «Мастерство Некрасова» и другие труды он стал доктором наук и почетным доктором Оксфордского университета, и лауреатом Ленинской премии. Замечательный детский писатель? Да, на его стихах выросло пять поколений. Но подумайте, разве найдется еще в литературе сказитель, который бы опозитивировал (не из страсти ли к мистификации?) чуть не все виды насекомых-паразитов, кровососов - комаров, блох, мух и первым сотворил положительного героя из самой отвратительной рептилии - крокодила.

Олег МИХАЙЛОВ

А был Корней Иванович Чуковский замечательным газетным фельетонистом, хлесткого пера которого страшились самые именитые дореволюционные писатели. Найденные им определения намертво прилипали к жертве, даже если не были справедливы. Так, из переводов Бальмонтом Шелли он вывел нечто третье: Шельмонт. В Арцыбашеве нашел «симуляцию сладострастия», Куприна обозвал «зрячий крот», Мережковского-прозаика определил как «фетишиста и тайновидца вещи». А за мифом о великом пролетарском бунтаре Горьком разглядел образ аккуратного и скучного обывателя:

«Как хотите, а я не верю в его биографию. - Сын мастерового? Босая? Исходил Россию пешком? Не верю.

По-моему, Горький - сын консисторского чиновника; он окончил харьковский университет и теперь состоит - ну хотя бы кандидатом на судебные должности.

И до сих пор живет при родителях и в восемь часов пьет чай с молоком и с бутербродами, в час завтракает, а в семь обедает. От спиртных напитков отказывается: вредно.

По воскресным дням посещает кинематограф.

И такая аккуратная жизнь, натурально, отражается на его творениях.

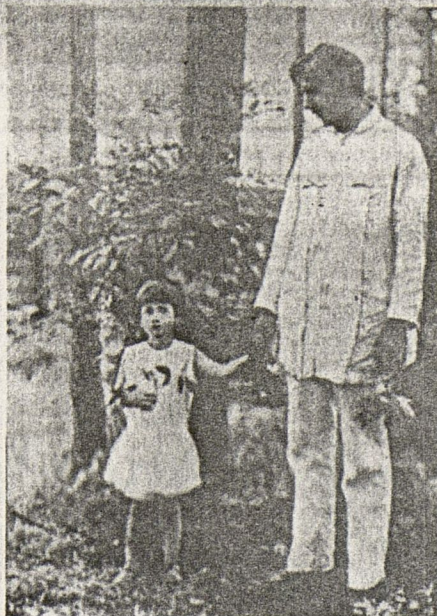
Написав однажды «Песнь о Соколе», он ровненько и симметрично, как по линейке, разделил все мироздание на Ужей и Соколов, да так всю жизнь, с монотонной аккуратностью во всех своих драмах, рассказах, повестях - и действовал в этом направлении».

В молодости я зачитывался этими фельетонами, а потом нашел их отблеск в написанных Чуковским литературных портретах. Я откликнулся на его книгу большой рецензией в «Новом мире» осенью 1958 года. После ее появления Чуковский пригласил меня в Переделкино. Недавно литературовед А.Л.Гришунин передал мне копии письма опального тогда ученого Оксману Чуковскому и его ответа, относящегося к этому эпизоду.

Ю.Г.Оксман - К.И.Чуковскому. 14 ноября 1958 г.

«Дорогой Корней Иванович, прочел для меня замечательную рецензию О.Михайлова «Стиль, отвечающий теме» и очень порадовался, что нашелся молодой критик, так смело и точно определивший некоторые

Корней Иванович большой и маленький

Корней Иванович с дочкой Мурой.

- Григорий Евсеевич! - задул Горький. Нехорошо. Рассмотрите...

Потом он обернулся ко мне:

- А вот наш известный писатель Корней Чуковский...

Но Зиновьев величественно прошел сквозь меня. Как ледокол по чистой воде.

Через несколько лет к нам в Ленинград приехал популярный тогда писатель-коммунист Мартин Андерсен Нексе. Мы, литераторы, были выстроены в шеренгу, и жена Зиновьева Лилина представляла нас. Сам Зиновьев шествовал сзади. Когда очередь дошла до меня, Лилина сказала:

- Гриша! А это наш известный писатель Корней Иванович Чуковский...

Но Зиновьев даже не повернул головы.

И вот, уже в 1934 году, я сижу у милейшего Льва Борисовича Каменева в издательстве «Academia» и мы обсуждаем состав моей будущей книжки. Лето, жара, и я вижу, как сквозь рубашку-сеточку проступают капельки пота на полном теле Каменева. А рядом вертится какой-то худенький незначительный человечек с копной волос. Он подсакивает ко мне и сообщает:

- Корней Иванович! Как приятно! Я ведь тоже хочу попробовать себя в детской литературе...

И Каменев говорит:

- Познакомьтесь - Зиновьев...

Насмешливо живописуя коммунистических вождей, Чуковский не верил, однако, в возможность падения большевистской диктатуры. И когда я, поддавшись обаянию хрущевских реформ, как-то выпалил с порога: «Византийская империя падает!», то услышал трезвое: «Византийская империя падала тысячу лет!» Но и он ошибся в прогнозе...

Чуковский заинтересованно следил за моими попытками издавать писателей-эмигрантов. В то же время он с замечательной требовательностью относился к языку и стилю, воспылав в подопечных свободой от шаблонов и выхолащенных канцеляризмов, которые беспощадно насаждались - через периодику, радио, литературу. Когда в 1960 году вышла первая - после долгого перерыва - книга прозы И.С.Шмелева (куда удалось включить и некоторые его замечательные произведения, написанные за рубежом), Корней Иванович откликнулся письмом, высказав и совершенно справедливые претензии к моей вступительной статье.

«Дорогой Олег Николаевич!

Прочтите меня, окаянного, что не поблагодарил Вас за чудесный подарок. Сейчас я в таком цейтноте, в каком, кажется, не бывал никогда. На столе и в столе куча рукописей - неоконченных, - а я сдуру взялся написать книжку о языке - тема необъятная - и вот строчу с утра до ночи, не распекаясь писем, недосыпая, недоедая. Удастся ли кончить книгу, не знаю. Работа затянута, а хочется писать воспоминания - о Куприне, о Сергееве-Ценском, о Бунине.

Ваше предисловие к Шмелеву обнаруживает Вашу осведомленность в литературе той эпохи, когда и я сподобился жить и дышать. Вы знаете все ее закоулки, все мельчайшие мелочи. Чувствуется, что о Шмелеве и вообще о той эпохе Вы могли бы написать целую книгу. Из Вашей краткой статьи Иван Сергеевич вышел как живой. (Где-то у меня есть, кажется, его письма, или письмо - рад буду разыскать для Вас).

Но - не сердитесь на меня - есть в Вашей статье и недостатки, глубоко огорчившие меня. Язык. «Встречает Шмелев (кого?) прототипов (кого?) героев (чего?) своих повестей и рассказов (чего?) девятисотых годов».

Четыре родительных падежа, взаимозависимых - уловато, натянуто.

И еще: «показывая прозрение... возвеличением... перерождению... Пользуясь выражением...» И все это в трех строках.

Такой глуховатостью к слову страдают многие нынешние литературоведы, но Вам она по существу несвойственна. Это случайности, верю. Но их не должно быть в Вашей статье, в

которой так много отличных формулировок. Хотя бы - о распространенной среди «знатцев» теме о катарсисе павших людей.

...мне хочется посоветоваться с Вами по поводу одной своей работы. Не приедете ли 5-го марта? Пожалуйста, приезжайте. Часам к пяти. Буду очень рад...

Ваш К.Чуковский. 23 февраля 1961 г.

Думаю, и это письмо, и устные наиздания Корнея Ивановича сыграли свою роль, заставив меня более внимательно и взыскательно относиться к собственному стилю. По крайней мере, когда в 1964 году (не без помощи Чуковского) в издательстве «Художественная литература» появился - опять-таки первый после длительного замалчивания этого замечательного писателя - сборник «Юмористических рассказов» Арк. Аверченко, я получил письмо, тональность которого была уже иной.

«Какое это счастье, дорогой Олег Николаевич, что наследие Аверченко очутилось в Ваших талантливых, умелых и умных руках. Ваша вступительная статья, эластичная, гибкая, артистически распределившая темные и светлые блики, открывает для Аверченко широкую дверь в советскую литературу. Подбор материала сделан мастерски и не нужно быть пророком, чтобы предсказать Вашей книжке бешеный успех. Не сомневаюсь, что она разожжет аппетит к дальнейшим произведениям Аверченко. Уверен, что советский читатель с Вашей легкой руки с великим удовольствием прочтет «Всемирную историю» Сатирикона и «Путешествие сатириконовцев в Европу». Сколько бы ни было недостатков у Арк. Аверченко - он на тысячу голов выше всех ныне действующих смехачей. Спасибо! Ваш К.Чуковский».

Оба мы не подозревали тогда, что пора хрущевской оттепели завершилась и обещество медленно спускается на дно очередного платоновского котлована. Я по инерции пытался продолжить и развить эмигрантскую тему в литературе: написал книгу о Бунине, был без ума от прозы Набокова, зачитывался Зайцевым. И обошел «с шапкой» знаменитостей (в числе которых были Твардовский и Чуковский), просил их поддержать мою заявку о предложении издать рассказы Надежды Александровны Тэффи, прекрасной писательницы, у которой, по словам Куприна, «стройность, чистота, поворотливость фразы совмещалась с почти осязаемым отсутствием старания и поисков слова». Чуковский тотчас поддержал меня...

Многогрудый сборник прозы Тэффи увидел свет лишь в 1971 году. К тому времени я понял, что тема русского зарубежья сделалась почти запретной (мне удалось лишь выпустить в 1966 году новый том Шмелева); «открытым» оставался только Бунин. Я решил уйти в русский XVIII век и написал несколько книг - «Суворова», «Державина», «Кутузова», «Генерал Ермолов».

Возвращаясь к образу Корнея Чуковского, я невольно вспоминаю его давнюю книжку «Леонид Андреев большой и маленький». В ней он талантливо и небесспорно доказывает, что все, чем потрясает Андреев - мрачное, безнадёжное, пугающее, - поверхностно, преходяще, фельетонно. А останется в литературе, по его мнению, совсем иной Андреев - «самый добрый, самый радостный, самый оптимистичный русский писатель». Спорно? Парадоксально? Но это живая стихия Чуковского.

Приятель по Одессе сиониста Жаботинского, друг Репина (которого, кстати, он в интимной переписке отговаривал возвращаться в СССР, а публично пригласил его), соглядатель нашего больного века и великий мистификатор, он, двоясь, живет в моей памяти как Корней Иванович большой и маленький.